

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

БОРИСА
И ГЛЕБА

Борис
Алексеев

ПОД ЗНАКОМ ДОБРОТЫ

книга о добром выборе пути

Борис Алексеевич Алексеев

Под знаком доброты

Серия «Международный фестиваль Бориса и Глеба»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56149830

Под знаком доброты: сборник рассказов / Б. Алексеев:

Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020

ISBN 978-5-907306-36-3

Аннотация

Нам дана свободная воля, чтобы мы могли сделать осознанный выбор между добром и злом.

Ежесекундно добро и зло предлагают нам «свои услуги» на жизненном пути. Оба, расталкивая друг друга, напрашиваются в провожатые. И мы, подсаживая одного из них на облучок, должны понимать, что выбираем не кучера, а место, где в конце концов окажемся со всем скарбом прожитой жизни.

Новая книга Бориса Алексеева «Под знаком доброты» повествует о людях, последовавших за добрым поводырём и наставником. Довериться добру и в то же время неустанно испытывать на себе козни зла непросто. Но люди, идущие доброй дорогой, – особенные. Они видят солнце даже за плотной силиконовой подошвой облаков. Это люди-подсолнухи. Они

поворачивают голову в сторону незримого источника света и терпеливо ждут его появления. Ожидание придаёт им силы.

Пожелаем читателю доброго чтения и душевного согласия с автором.

Содержание

Глава 1. Плоды сердечной аритмии	7
Картина	7
Город Млечный	20
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Борис Алексеев

Под знаком доброты

Алексеев Борис Алексеевич

Москвич. Профессиональный иконописец и литератор. Член Московского союза художников. Имеет два ордена Русской православной церкви. Член Союза писателей России (Московская городская организация). Пишет стихи и прозу.

Выпустил ряд книг, в т. ч. книгу стихов «Житейское море» и три книги прозы: «Кожаные ризы» (рассказы, жанровая проза), «Неделя длиною в жизнь» (сборник эссе) и «Планта-надежда» (фантастика).

Лауреат Премии Гиляровского и Серебряный лауреат Международной литературной премии «Золотое перо Руси – 2016». Финалист национальной литературной премии «Писатель года – 2017». Дипломант литературной премии Союза писателей России «Серебряный крест – 2018». Дипломант Литературного конкурса Союза писателей России «Лучшая книга года» (2016–2018). Награждён медалью И. А. Бунина «За верность отечественной литературе» (Союз писателей России, декабрь 2019 г.).

Живёт и работает в Москве.

Глава 1. Плоды сердечной аритмии (сборник рассказов)

Картина

Сквозь утренний сон Георгий Макарыч ощутил привычное трепетание пространства. Так и есть, будильник взывал к продолжению давным-давно начатой жизни.

«Э-э-э, нет, – усмехнулся Макарыч, как фокусник, жонглируя дрёмой. – Не на того напал! Расхотелось мне жизнь подгонять, пискун ты неразборчивый. Тебе что первоклассника несмышлёного будить, что народного художника России – одна забота!...»

Вечером накануне он лёг глубоко за полночь и теперь нежился в постели, победоносно поглядывал на часы и неторопливо собирался с мыслями.

Наконец обе стрелки сошлись в подбрюшьё циферблата. Время перевалило за половину седьмого. Георгий решительно откинул одеяло, поднялся, сделал пару энергичных движений корпусом и, шаркая, направился в ванную.

Восьмидесятилетие, которое он справил неделю назад, неотступно волновало старого художника. Желание откликнуться на прошедшее семейное событие новой большой кар-

тиной реально созрело в его творческом воображении. Георгий Макарыч принадлежал к когорте добротных московских живописцев, учившихся основам художественного ремесла ещё у Коржева и Нисского. Более полувека советский реализм служил Макарычу верным «боевым товарищем» во всяком начинании. Уж в чём в чём, а в умении убедительно положить на левкас красочный замес равных Макарычу не было.

Который день он вглядывался в гулкую мембрану огромного натянутого на подрамник холста, любовно гладил ладонью его лощёную пемзой поверхность и затаив дыхание представлял будущую картину.

Написать семейное застолье, изобразить детей, внуков, многочисленных родственников и друзей в едином слове в честь прожитой человеческой жизни – вот что грекло его сердце, понуждая обратиться вновь к крупному живописному формату.

Он уже давно не писал больших картин. С возрастом пришло понимание, что и в малом можно отразить значительное со всей его масштабной монументальностью. Но сейчас ему хотелось раскрыть задуманную тему нарочито громко, будто вбежать из малогабаритной хрущёвки в огромный колонный зал, сверкающий огнями люстр и наполненный шарканьем танцующих. На старости лет в нём проснулся молодой, неугомонный Пушкин. Казалось, всё вокруг него, Пушкина, податливо задвигалось, зашаркало, закружилось! Этот яв-

ный каприз души напомнил Георгию поздние графические портреты Фешина, в которых периферийные элементы изображения вовлекались в дивный танец вокруг взгляда портретируемого.

Георгий выдавил на палитру краски и взял небольшой муштабель, на конце которого был укреплен рисовальный уголёк. Он всегда выдавливал краски ещё до разметки рисунка. Чарующий запах цветных масляных паст возбуждал его как художника и требовал скорейшего завершения графического этапа работы.

Многолетний опыт всякий раз напоминал ему: недосказанность в начальном рисунке оборачивается в живописной работе непредвиденными досадными переделками. Поэтому, не считаясь со временем, Макарыч намечал рисунок, проверял его с разных расстояний, тщательно закреплял и только потом приступал к живописи. Но, как и прежде, перед началом работы первым делом выдавливал на палитру краски и любовался их ароматными количествами.

Георгий обладал абсолютной зрительной памятью. Ему не нужно было выкладывать на стол ворох семейных фотографий: он помнил каждого. Более того, он помнил, кто где сидел неделю назад, во что был одет. В некоторых случаях Георгий мог восстановить в памяти даже перечень блюд на столе.

«А ведь у меня явное преимущество перед божественным Рембрандтом и великолепным Репиным! – думал он, нанося

штрихи на холст. – И «Ночной дозор», и «Торжественное заседание Государственного совета» хороши, но и Рембрандт, и Репин писали их на заказ, не любя, ради денег, славы и живописи. Я же влюблён в свои персоналии! Они у меня в сердце. И напишу я моих ненаглядных не ради житейской триады, но ради самого себя. За работу, дружище!»

К вечеру Георгий завершил первый этап так называемого живописного подмалёвка. Без уточнения деталей на холст легли основные пятна, проявив в цвете рисунок будущей картины. Кисть Георгия трудилась свободно и легко, по-фешински оставляя чарующий фактурный след строго по форме намеченного изображения.

...Первые признаки странного поведения картины появились после того, как напольный «брегет» гулко отсчитал шесть вечерних ударов. Георгий отошёл от картины, чтобы заварить чай в маленькой кухоньке, отгороженной от рабочего зала скромной тюлевой занавеской. Он наливал из заварного чайничка в стакан огненно-розовую дымящуюся смесь каркаде и липового чая, как вдруг за шторкой послышался приглушённый разговор. Голоса показались ему знакомыми. Он отставил чайник и раздвинул тюлевые половинки. Прислушался. В мастерской стояла абсолютная тишина. С минуту оглядывая начатую картину придирчивым глазом, Макарыч вдруг заметил, что внук Серёженька, которого он наметил справа вверху возле дочери Алёны, почему-то переместился совершенно в другую половину картины и сидит на

коленях Николая Матвейча, тоже художника, давнего товарища Георгия, ещё по Суриковке.

Всё остальное было вроде на месте. Георгий уже хотел подойти к холсту и исправить странную оплошность, но вдруг заметил, что общая композиция картины от перемещения внука только выиграла и получила дополнительное изобразительное равновесие.

Покачав головой, художник задёрнул шторку и вернулся к чаю. Он вспомнил, как сам неделю назад разносил гостям китайский заварной чайник и разливал по чашечкам точно такое же огненное волшебство! Гости оборачивались к нему и по очереди нахваливали его гостеприимную и ароматную церемонию. А потом из огромного, полутораведёрного, электрического самовара (подарок сына Ивана на семидесятилетие) все наливали дымящийся кипяток и, хрустя плитками слоёного «Наполеона», распивали чай под весёлые нескончаемые разговоры...

– Ну ты пострел! Ни минуты на месте! – за шторкой отчётливо прозвучал голос Николая Матвейча.

– Дядя Коля, да вы ж его всё равно не удержите! – засмеялась в ответ Алёнка.

Послышался шум падающих тарелок.

– О господи, ну, Серёжка, погоди! – отозвался хриплый старческий голосок Марии, жены Георгия.

Все засмеялись...

От неожиданности Георгий поперхнулся и опрокинул ста-

кан с чаем. Перегнувшись через кухонный столик, он вытянутой рукой отдернул шторку. Всё по-прежнему было тихо. Но тут...

Страхивая угольную пыльцу, налипшую на офицерский китель, сошёл с холста и присел перед картиной на ступеньку подиума сын Иван. Год назад (нет, пожалуй, года ещё не прошло) рано утром постучался он в дом. Мария открыла дверь, увидела сына – и в слёзы.

А Иван обнял мать, долго гладил её седые волосы, гладил и повторял:

– Мама, мама! Пули другим достались. По ним мы с тобой потом поплачем, вместе, по-офицерски.

Засмотрелся Георгий на картину. Холст-то почти дописан и будто улыбается, хорохорится перед ним. Любо-дорого поглядеть. Дописан с изяществом и мастерством необычайным. Всё на нём как живое. Но живость эта – не благополучная фотофиксация, а настоящая, коренная художественная правда, прямая и сильная. Будто говорит картина Георгию: «Я – как ты. Мы с тобой, брат Макарыч, за правду стояли и ещё постоим!».

А народу за столом – видимо-невидимо! И что особенно интересно: чаёвничают не только званые в тот вечер гостишки да гостицы, а многие другие, о которых лишь упоминали в застольных разговорах.

Вот рядком с Николаем сидит Егор Савельич, дядька Георгия по матери. Расстреляли его красные братишки в де-

вятнадцатом за то, что помог бежать из плена простому мужику Потапу. Взяли Потапа на хуторе. Чистили хутор от беляков, глядь – какой-то мужик огородами в лес пробирается. Догнать иуду! Догнали, заперли в сарай.

– Этот гад что-то знает, чует моя революционная интуиция! – сказал красный командир. – Не скажет, ядрёна вошь, – поутру расстреляем, и кончено.

Егора отрядили охранять классового врага. А мужик, как на грех, взмолился:

– Не знаю я ничего! Самого обобрали беляки, сутки в подвале хоронился, еле жив остался.

Ну Егор и пожалел его. Отпустил да пару раз стрельнул вдогонку: живи, человек!..

Перед братишками повинился: так, мол, и так, упустил. Разбудили красного командира. Тот пришёл злющий и с похмелья, не разбираясь, наган-то в Егора и разрядил, поганец. Фотокарточку Егорушки мать до последних дней хранила у себя.

Вспоминала: «Добрый он был, с детства комара не обидит. Хотел в семинарию поступать, а тут революция. На селе разнарядка: десять парней в Красную армию, не то лошадьми грозились взять. А как без лошади? Знамо, смерть. Вот он и вызвался добровольцем. И хоть годков имел всего пятнадцать, тогда в пачпорты не смотрели, винтовку держать можешь – значит, боец». Хоть и помер Егор молодым, мать его не иначе как Егором Савельичем величала.

Присел Георгий Макарыч возле сына на табурет, наблюдает, дивится умом: «Да как такое возможно?..». Глаза всё новые лица примечают. Вот между невесткой Еленой и тётушкой Розадой (не от слова «зад», а от слова «роза» – семейная шутка) сидит прадед по отцу Афанасий Гаврилыч. Вот уж был человек знатный и что ни на есть непредсказуемый! От природы обладал он лужёной шаляпинской глоткой, но в артисты идти никак не хотел. В конце концов отец его Гаврила Исаич сгрёб сына в охапку да привёз в Петербург на смотрины. Через знакомых разузнал о званой вечеринке в апартаментах самого Шаляпина. Пришёл с сыном, мол, так и так...

Фёдор Иванович говорит отцу:

– И кого ж ты мне привёл, что за тихоня?

Афоню тут разобрало (сроду его тихоней не звали!), он как гаркнет по-молодецки Шаляпину:

– Это я молчу тихо!

Бедный Фёдор Иванович как держал в руке фужер с шампанью, так и уронил на пол.

Бокал с хрустом разлетелся, а Шаляпин хохочет:

– Ну брат, потешил. А ну пой!

Афоня возьми и запой любимую «А пойду, выйду-к я...». Кончил петь – подошёл к нему Фёдор Иванович, плачет, вот те крест, плачет, обнял и говорит:

– Ну слава богу. Будет кому без меня в России Бориса петь!

Так не поверите: из хорового училища два раза сбежал Афоня к бурлакам. Поначалу не знали, где искать, а уж когда заметили след – всякий раз напрямик на Волгу. Из Мариинки раз сбежал перед самой премьерой «Бориса». Беглеца сняли с поезда уже на вокзале и в театр силком повезли. Действие-то началось. Народ волнуется. Кое-как отыграли первую картину. Дирижёру велели паузы длиннее давать, действие затягивать. Вот уж и вторая картина началась. Вчетвером затащили Афоню в гримёрку, кое-как переодели, загримировать толком не успели – уж его выход. Дали горемыке пинка – и на сцену. Он же, бестолочь стоеросовая, оглядел зрителя, ухмыльнулся и... запел. Минуты не пропел – театр успокоился, и до самого финала звучала из уст Афанасия Гавриловича дивная музыкальная амброзия.

После спектакля руководство театра долго совещалось, как быть с Афоней. Решили его женить на послушной и красивой балерине из кордебалета, выходит, на прабабке Георгия. Решено – сделано. В один из воскресных дней после полуденной репетиции устроили банкет, подпоили Афоню – и под венец. Грех, конечно, а по-другому с ним не сладить. Умолили священника не вдыхать от Афони мирские ароматы. Свидетелю строго-настрого было наказано держать Афоню со спины, чтоб, не дай бог, не упал и не сорвал божественное мероприятие...

«Сколько же вас, разных и любимых!» – мелькнуло в голове Георгия. Вдруг дальние двери распахнулись, и в зал во-

шла женщина.

«Это ещё что за двери?» – удивился Георгий Макарыч. За головами сидящих он не мог толком разглядеть вошедшую. Но увидел, что на руках она несла спелёнутого младенца. Женщина остановилась, все встали со своих мест и окружили её. Георгий почувствовал прилив человеческого тепла, будто он сам попал под палящие влюблённые взоры близких ему людей.

– Поглядите, друзья, как этот малыш внимательно смотрит в мир. Никак будущий художник растёт! – Георгий различил голос Петра, мужа Алёнки, человека умного и обстоятельного.

– Н-да, волевой подбородочек, ничего не скажешь. Этот своего в жизни добьётся, будьте любезны! – вторил Петру голос Алевтины, снохи.

Георгий улыбнулся. Уж чего-чего, а целеустремлённости ему, как и этому малышу, было не занимать. После окончания Суриковки он на четыре года уехал в Киргизию, поселился в предгорье Тянь-Шаня и стал писать горы. Забирался с этюдником аж на хребты снеговиков. Там-то и приключилась с ним история. Даже сейчас, как припомнится ему то давнее обстоятельство, спину сводит, хоть кричи. А случилось вот что.

Перешёл он с этюдником горный перевал и собирался уже в обратную дорогу, как прямо на него из-за валуна вышел настоящий туранский тигр.

«Возьми ружьё, – мелькнул в памяти голос старика-киргиза, у которого столовался Георгий. – В горы без ружья никак нельзя!» «Моё ружьё – вот! – Георгий, смеясь, показал старику пару кистей, зажатых в кулаке. – Это ж целая двустволка!» Помнится, покачал тогда киргиз головой, прикрыл ладонями лицо и стал что-то быстро и тихо шептать.

Тигр издал предупредительный рык. Георгий отступил на шаг и... провалился куда-то. Некоторое время он падал в мерцающей снежной кутерьме. То и дело какие-то уплотнения подталкивали его. Он бился о них, как лодка о горные пороги. Потом свет поредел, сверкнул парой прощальных вспышек, и вокруг стало совершенно темно. Тело Георгия влипло в плотный слой снега, падение прекратилось.

На том бы и завершилась наша история, но Георгию «смертельно» повезло. Его падение наблюдала группа альпинистов, сходящая с маршрута неподалёку. Они успели заметить, как в лавине падающего снега мелькнуло тёмное пятно, напоминающее человека. Откопали Георгия часа через четыре. Слава богу, он не успел ничего себе отморозить, успел лишь достойно подготовиться к смерти – был спокоен и рассудителен. Застывшие на щеках катышки слёз говорили о том, что приготовления не были безмятежны.

«По крайней мере, это лучше, чем погибнуть в пасти зверя», – размышлял он, стараясь экономно дышать в плотной снеговой неволе.

Приключение счастливо закончилось, и вскоре Георгий

уехал в Москву. По возвращении в столицу он первым делом отправился на птичий рынок. Долго бродил по рядам. Наконец нашёл нужного человека, сторговал классную охотничью мини-винтовку и к ней баул патронов. Запаковал хо-рошенько и отослал в Киргизию, на добрую память старику о московском варяге.

– Гляньте, эка он кулачок сжимает! Такому на пути не попадайся! – хохотнул дед Герасим, поди, самый старый из гостей.

Вдруг малыш заплакал. Над его крохотной головкой прокатился гул весёлого одобрения. Гости расступились, и Георгий признал наконец в вошедшей женщине... свою мать.

– Вот оно что! Выходит, этот младенец – я? То-то смотрю, вроде как обо мне говорят. Невероятно!..

Женщина поднялась со стула, улыбнулась всем и медленно пошла обратно в несуществующие картинные двери.

«Она уходит. – Георгий судорожно пытался понять происходящее. – Она выносит меня?!»

Весёлый гул затих. Все стояли и молча провожали уходящую женщину. А Серёженька почему-то тихо заплакал.

Силуэт женщины растаял за дверью. Минут пять старик смотрел вслед матери и младенцу как самому себе. Необычайно остро кольнуло под сердцем. Болевые приступы в грудной клетке случались и раньше, но сейчас нарастающее событие отозвалось особым трепетом сердечной ткани.

«Что ж... – покашливая, Георгий Макарыч выдохнул за-

стоявшийся в лёгких воздух. – Пора! Благодарю Бога за то, что мы все как смогли... были».

Город Млечный

До отправления поезда оставалась минута. Рассекая толпу провожающих, Николка протиснулся в купе и, подтянувшись на руках, впорхнул на верхнюю полку согласно купленному билету. Бросив под голову дорожную котомку, он стал рассматривать «жизнь дна». В купе кроме него находились ещё три человека. Один – странный, в чёрной одежде, с длинной, аккуратно расчёсанной бородой – сидел за столиком и читал старую книгу. Страницы этой книги показались Николке необычайно толстыми, наподобие кожи или грубого горбленого картона. Двое других, это была пожилая старомодная пара, перекладывали с места на место три огромных чемодана, пытаясь найти им хоть какое-нибудь расположение.

– Молодой человек, вы не поможете? – попросил мужчину, подавая наверх один из чемоданов.

– Ага, давайте! – Николка ловко скинул с верхней полки кульки матрацев вниз на руки женщине. Затем, перехватив у мужчины чемодан, забросил его на освободившееся место. – Давайте ещё!

– Вот спасибо, вот молодец, сынок!

Когда с чемоданами было покончено, мужчина и женщина наскоро перевели дух и стали потрошить огромную сумку, набитую дорожной едой. Скоро на крохотном купейном

столике выросла целая гора бутербродов, баночек и всевозможной зелени. Николка видел, как мужчина в чёрном плаще поморщился, взглянув на обилие еды, и снова углубился в чтение.

Не переставая говорить о житейских пустяках, пожилая пара приступила к трапезе.

– Вовочка, подай мне бутерброд с селёдочкой, – попросила женщина, похрустывая лучком.

– Что это тебя, милая, на солёненькое потянуло? – усмехнулся её собеседник, подавая на газете резанные кусочки хлеба, укрытые сверху кусковой селёдкой «Матиас» с добавлением белого резаного лука и корейской моркови.

– Скажешь тоже! – хохотнула женщина. – В наши годы на солёненькое тянет совсем по другому поводу. Может, тебе кефирчику?

– Налей стаканчик. Чаёк мы попозже закажем, а кефирчик к селёдочке в самый раз будет. Холодненький!

– Тебе подсластить?

– Ну, кинь ложечку. Больше-то не надо, а то к вечеру бздеть начну.

– Вова, будь поскромнее, мы же тут не одни! Положу тебе две. Ничего, наше купе у самого туалета, добежишь, если прихватит. Ха-ха! – Женщина весело поглядела по сторонам и вновь сосредоточилась на еде.

Мужчина в чёрном плаще поднялся, снял верхнюю одежду и молча повесил на крючок у двери. Затем, с трудом под-

тягиваясь на руках, забрался на верхнюю полку, напротив Николки. Пожилая пара со вздохом облегчения придвинулась к столу и, воркуя о чём-то своём, продолжила есть и потчевать друг друга.

Внизу трепетало животное благоволение, в то время как верхние слои воздуха притихли в задумчивом перегляде двух пар внимательных глаз. Бородатый человек отложил книгу и рассматривал хрупкого шестнадцатилетнего юношу. А юноша, немало смущённый вниманием старца, из-под руки поглядывал на выющиеся локоны бороды, аккуратно убранные в жилетку.

Наконец бородач прервал молчание:

– Вы далеко едете, юноша?

– До конечной, в город Млечный, – неожиданно для самого себя срифмовал Николка.

– О как! – усмехнулся старчик. – А я грешным делом думал, что в Млечный едут люди несостоявшиеся, лишние, так сказать, в этой жизни. Но, судя по вашему возрасту, оказаться лишним вы попросту ещё не успели.

– Я сам не знаю, почему поехал. Будто кто-то велел. Насилу родителей уговорил. Представилось: не поеду этим летом – жизнь пойдёт не так. Говорят, там есть монастырь и на всё, что ни спросишь, можно получить ответ.

– Ну так уж и на всё? – усмехнулся старец.

– Может, и не на всё. Только кажется мне, есть там то, чего я не знаю. И без этого знания мне здесь, в Москве, не

разобраться.

– Толково говоришь. А звать-то тебя как?

– Николаем. Все кличут Николкой.

– Стало быть, Николка-путешественник? – улыбнулся в усы бородач. – А меня, Николка, величают отец Максим. Я священник из того самого монастыря. Выходит, мы с тобой попутчики.

– Священник? А что такое священник, дядя Максим?

– Священник? – Отец Максим улыбнулся. – Как тебе объяснить... Представь: жил на Земле две тысячи лет тому назад Человек. Звали Его Иисус Христос. Не простой это был человек, да и не человек вовсе. Верят люди: был Он Бог. Да-да, именно Бог. Почему и зачем Бог оказался на Земле, это я тебе потом расскажу...

– Наверное, Земля из космоса видится такой маленькой! – задумчиво произнёс Николка.

– Вот-вот, и я о том же. На Земле Богу долго пребывать вроде как не с руки: во всей Вселенной дел, поди, невпро-ворот. И тогда решил Бог, перед тем как покинуть Землю, оставить учеников, чтобы они Его слова запомнили и передали людям. И для этого придумал Господь такое действие – рукоположение. Это слово не книжное, не приказное. Учитель возлагает руку на голову ученика и благословляет его на проповедь правды и истины. Так поступил Христос. Его ученики, их называют апостолы («апостолос» – по-гречески «посол, посланник»), в свою очередь, рукоположили первых

священнослужителей, те – следующих. И так до наших дней.

– Вроде эстафетной палочки?

– Именно так. И если проследить всю цепочку рукоположений, священник – это человек, которого благословил на служение Сам Начальник Церкви Иисус Христос. Родословная служения от Бога – великая честь и великое смущение.

– Почему смущение?

– Смущение о собственном недостойнстве. Представь: коснуться руки Самого Бога!

– Даже страшно... – задумчиво произнёс Николка.

– А ты ничего. С головой, – улыбнулся отец Максим.

– Все мы с головой, пока не потеряем. Ха-ха-ха! – отозвался сосед снизу.

– Иную голову и потерять не грех. Это вроде как баба с возу – кобыле легче, – ответил священник.

– Не-е, не согласен, без головы есть неудобно! – хохотнул сосед, подъедая крошки со стола.

– Разве что, – из вежливости закончил диалог бородач. Потом повернулся лицом к стене. – А тебе, Николка, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, дядя Максим. Вы на них не обижайтесь.

– Эй, малец, чтой-то мы такого сделали, чтоб на нас обижаться? – вспыхнула женщина внизу.

– Ты уж бочку не кати! – подхватил мужчина, зажёвывая очередной блин.

– А я и не качу. Жрали много, бздеть ночью будете, – буркнул Николка, тоже разворачиваясь к стене.

– Николай, побереги язык, путь долгий, – отозвался священник, кутаясь в одеяло.

Под самое утро, когда рассвет ещё только начинал подрублять розовым холодком серые ночные тучи, поезд замедлил ход, а потом как-то резко и испуганно остановился. Многие пассажиры на верхних полках от внезапного толчка едва не попадали вниз. Возникло общее сонное замешательство. Встревоженные люди, наскоро одевшись, стали выходить из купе в коридор. Оглядываясь по сторонам, они спрашивали друг друга: «Что случилось?».

А случилось вот что. Машинист заметил, как перестук колёс головного локомотива стал давать непонятные сбои. Обыкновенная ровная ритмика торцевых перестуков сменилась серией безалаберных по амплитуде ударов. Более того, возникло ощущение устойчивого дифферента пути там, где его быть просто не могло. Даже по уровню воды в контрольном стакане стало заметно, что путь имеет устойчивый наклон вниз, в то время как дорожная картография ничего подобного не предполагала.

Машинист начал осторожно сбавлять скорость. Когда же обнаружилось, что дифферент увеличивается, он пошёл на резкое торможение. Предпринятые меры предосторожности оказались вполне своевременными: поезд остановился перед участком пути, разрушенным огромным внутренним ополз-

нем. Из котлована торчали рельсовые полотна и груды перемычек.

– Оба-на, приехали... – крикнул машинист и бросился к аварийному коммутатору.

Тем временем солнце чуть приподнялось над лесом и последние сгустки ночных теней растаяли, как мартовский снег, в искрящемся гомоне наступившего утра.

Отец Максим вытащил из-под сиденья свой небольшой чемоданчик и положил руку Николке на плечо:

– Пошли, парень.

– Куда пошли? – удивился Николка. – А как же поезд?

– Ты что, не видишь, как дело обернулось? – ответил отец Максим и громко, насколько могли его слышать пассажиры вагона, сказал: – Друзья, надо покинуть это недоброе место. Здесь нельзя оставаться!

– А как же вещи?! – воскликнула женщина на нижней купейной полке.

– Берите только самое необходимое. Поторопитесь! – требовательно сказал отец Максим и направился к выходу.

Николка едва поспевал за ним.

Священник спустился по приставной лестнице на землю, подал руку Николке и, оглядывая уже столпившихся на земле людей, крикнул:

– Уходите! Уходите как можно скорее!

Но люди медлили, смотрели в провал грунта и не предпринимали никаких действий. Одни говорили, что с ближай-

шей станции уже выехала ремонтная бригада. Кто-то присутствовал при переговорах машиниста со службой спасения и собственными ушами слышал о вертолётном звене, в срочном порядке вылетающем на участок провала пути. Самые беспечные принялись ломать сушняк и жечь костёр, подрумянивая на огне колбаски и радуясь вынужденной романтике путешествия.

– Идём. Они нас не слышат и не пойдут за нами, – вздохнул священник, уводя Николку окольной тропой прочь от ямы.

Небольшим перелеском они обогнули место разрушения и вновь вышли на железнодорожные пути. Высчитывая каждую третью шпалу, отец Максим зашагал широким шагом к ближайшей станции. Николка, спотыкаясь и почёсывая густую шевелюру волос, переполненную безжалостными комарами, едва поспевал за своим провожатым.

Часа через три вдали показалась пустая платформа. «Червлёное», – прочитал Николка, глядя на покосившийся станционный транспарант.

– Передохнём недолго, – сказал отец Максим, забираясь по разбитым ступеням на платформу. Он достал из чемоданчика ломоть хлеба, завёрнутый в белую тряпицу, литровую банку с маринованной рыбой и бутылку кваса. Бутылка была необычной формы – с узким высоким горлышком и огромным утолщением книзу.

– Какая бутылка! – не удержался Николка. – Старинная?

– Старинная. Ей, насколько я знаю, лет двести. Как-то один старец мне сказал: «Пригуби, Максимушка, мой квасок да забирай сию бутель себе. Чую, много отпущено тебе бродить по Рассей. Пей квасок на помин о моём тебе дорожном благословении». Старчик-то вскоре помер, а его бутель при мне осталась. Так мы с ней и путешествуем по миру.

Николка приподнял бутель:

– Ух ты, тяжёлая!

– Ну да, вроде вериги.

– Вериги?

– Да, есть такое понятие. Верига на языке наших старославянских прародителей означало «цепь». Если монах вешает на грудь тяжкие вериги, он добровольно принимает на себя страдания за Христа. Как-нибудь я расскажу тебе об этом подробней. Конечно, почитать веригой бутылку с квасом – это на грани смутьянства. Но поверь, Николка, за этой «бутелью» незримо стоит мой старчик. И висят на нём вериги потяжелее сей зелёной неженки.

Наскоро перекусив, путешественники отправились дальше и к вечеру вышли на окраину большого сверкающего огнями города.

– Как-то там они? – размышлял вслух Николка, вспоминая растерянную толпу пассажиров, обступивших злосчастную яму.

– Скоро всё узнаем, – отозвался отец Максим. – Но чует моё сердце: случилось неладное.

Натренированное молитвенными упражнениями сердце не обмануло священника. Действительно, когда они через полчаса подошли к станции, на всех её платформах царили тишина и безлюдье. И в этом безлюдье казался странным грохот вертолётных винтов над головой. Они поднялись по ступенькам в здание вокзала. В вестибюле под репродуктором стояла внушительная толпа, ожидая очередного сообщения о невероятном происшествии, случившемся с поездом на перегоне Дерзковская – Ранчев.

Толпа беспокойно гудела. Каждый высказывал своё видение случившегося. Объединял всех эмоциональный шок. Люди не понимали, как им реагировать на страшную новость. То ли радоваться, что это произошло не с ними, то ли оплакивать незнакомых людей, погибших странной и нелепой смертью.

Произошло вот что. Вскоре после того, как наши герои покинули поезд, яма, в которую провалился участок пути, начала стремительно увеличиваться в размере, захватывая десятки метров новой поверхности. Она разрасталась, как чернильное пятно. За несколько секунд подобралась к головному локомотиву поезда, и он вместе с командой исчез в огромном чёрном пространстве провала. Не сработавшая на расцепление автосцепка вагонов имела страшные последствия: вагоны послушно покатались по рельсам, увлекаемые провалившимся локомотивом, один за другим исчезая в необъятной черноте ямы. Люди, успевшие выйти к тому

времени из вагонов, бросились в рассыпную, но лишь немногим из них удалось опередить движение смертельной кромки. Счастливиц можно было пересчитать по пальцам...

Отец Максим присел у окошка, обхватил голову руками и надолго задумался. Николка робко присел рядом.

– Не надо было мне уходить... – прошепестел губами священник, одной рукой обнимая юношу, другой доставая из глубокого кармана рясы мобильный телефон.

– Отче, благословите. – Старец прижал телефон к уху, разгребая торцом трубки плотную копну волос. – Я в Ранчеве. Тут такое дело... Вы уже знаете? Благословите, как поступить. Понял. Еду.

Он отложил трубку и, выпрямив Николку сказал:

– Нам с тобой велено срочно прибыть в монастырь. Пойдём.

Расспросив, как найти автобусную станцию, они отправились по указанному адресу.

– Стыдно мне, – на ходу заговорил Николка. – Те двое пожилых из нашего купе наверняка так и просидели на своих чемоданах до страшного конца. Я им нагрубил с вечера. И как теперь извиняться?

– Признаться, и я растерял к ним внутреннюю любовь, – ответил на ходу отец Максим. – Надо же такому случиться: сам читаю Евангелие, глазами пью благую весть, а сердцем каменею! Какой я после этого священник...

– Отец Максим, отец Максим!

К ним бежал человек лет тридцати. Дорогой костюм, остроносые ботинки и широкий красивый галстук выдавали в нём преуспевающего буржуа.

– Отец Максим, как хорошо, что я вас встретил! – выпалил мужчина, задыхаясь от бега. – Я же вас с вертолёта признал! Смотрю, монах поднимается с путей, ну вылитый отец Максим. Пока искал площадку для посадки, думал, уйдёте, не найду. Слава Богу, свиделись!

– Здравствуйте, Артур, – ответил священник. – Слышали, что стряслось?

– Так я туда и направлялся. Мне сказали, что вы ехали этим поездом. Я ваш вечный должник, решил разыскать вас во что бы то ни стало. А вы живы!

– И что теперь? – спросил отец Максим.

– Давайте полетим туда. Кому-то ведь мы сможем помочь! А потом я вас домчу до Млечного!

– Этот юноша со мной.

– Лишнее место...

– Там разберёмся, – подытожил отец Максим. – Где ваша птица?

Они летели вдоль железнодорожного полотна к месту обвала. Вскоре за верхушками елей стало различимо чёрное пятно. Оно по мере приближения расширялось в размере и в конце концов превратилось в огромную воронку, на дне которой посверкивали крашенные фрагменты провалившегося поезда.

– Какой ужас! – крикнул, не оборачиваясь, Артур и повёл машину на снижение.

Вертолёт, на котором летели наши герои, представлял собой лёгкую спортивную модель десятилетней давности выпуска, вполне работоспособную и ухоженную по всем авиационным протоколам. Небольшой разлёт винта компенсировался легчайшим титановым корпусом и дополнительным вращением винтовых подкрылков. Артур начал аккуратно снижать высоту, погружаясь в тёмную пасть отверстой карстовой ямы. Когда до дна ямы оставалось не более десяти метров, пилот поставил управление вертолёта на автоматическое слежение высоты, выбросил верёвку и начал по ней спускаться на спины поверженных вагонов. Николка затаив дыхание следил за каждым его шагом. Опустившись к входной двери одного из вагонов, Артур защёлкнул карабин лестницы на изгиб перил и через распахнутые створки проник внутрь. Его не было минут двадцать. Наконец он появился в дверном проёме, отвязал лестницу и поднялся на борт вертолёта. Отец Максим, не говоря ни слова, ждал сообщения.

– Живых нет, – коротко сказал Артур и стал поднимать вертолёт на выход из ямы.

Николка не отрываясь смотрел на поверженные вагоны. Его юное сердечко ритмично выбивало: «Как так? Как так?..».

Отец Максим читал молитву. Но за рёвом мотора было заметно лишь его беззвучное шевеление губ:

– Заступнице Усердная, Благоутробная Господа Мати, к Тебе прибегаю аз, окаянный и паче всех человек грешнейший; вонми гласу моления моего, вопль мой и стенание услыши...

Они летели строго на север. Плотные леса средней полосы всё более уступали место равнинному плоскогорью, пересечённому многочисленными речушками и оврагами. Редкие деревушки ютились по берегам рек и небольших озёр. Сырой туманный воздух пощипывал щёки и слезил глаза.

– Скоро Млечный! – крикнул Артур, развернувшись к отцу Максиму. – Сядем прямо у монастыря.

– Добро! – ответил, поёживаясь, священник и, обернувшись в свою очередь к Николке, спросил: – Замёрз?

– Не-е, дядя Максим, – ответил юноша, стараясь отдышать тёплым дыханием окоченевшие ладони.

Артур совершил посадку на асфальтированный клочок перед святыми воротами монастыря, изрядно наделав шума и вызвав окрестный переполох. Плотное кольцо народа буквально за несколько минут окружило вертолёт и принялось рассматривать машину, ожидая выхода пилота и пассажиров. Наконец в створе святых ворот в сопровождении монахов показался и сам игумен.

– А, Артур, что за ветер принёс тебя? – воскликнул игумен.

– Благословите, отче! – ответил Артур. – Привёз отца

Максима. Слава Богу, живого и невредимого.

– Вижу сам. Отец Максим, да как же тебе живым удалось выйти из адовой проделки? Ведь какая беда приключилась. Мы уж тут наслышаны.

– Господь вразумил, – опуская голову ответил отец Максим. – Милостью Божией почувал я беду ещё в поезде. Не спалось мне. А когда под утро обнаружилось дьявольское намерение, понял одно: уходить надо. Звал всех, но не слышат люди, уму своему верят. Одно прошу, отче, – отпусти до кельи: глаза слезятся, молитвы просят.

Игумен оглядел Николку.

– Ступай, ступай, отец Максим. Да паренька, попутчика своего, обогрей молитовкой. Гляжу, холодно у него внутри, тяжко.

Затем он повернулся к Артуру:

– А мы пойдём, Артурушка, покалякаем, чем горюшку пособить надобно.

И, обернувшись к одному из монахов, добавил:

– Накормите летунов.

Отец Максим, несмотря на преклонный возраст, буквально бежал по монастырю. Николка едва поспевал за его сутулой спиной. Перед папертью храма священник остановился и, совершив широкое крестное знамение, стал подниматься по ступенькам. Николка помог ему открыть тяжёлые старые двери, и они вошли в гулкий полумрак церкви.

Храм был пуст, если не считать низенькой сгорбленной старушки, оттиравшей свечной нагар с витиеватых подсвечников. Литургия только что закончилась. Приятно пахло ладаном и влажным человеческим дыханием.

Отец Максим опустился на колени перед большой иконой Богородицы. Его спина сжалась и застыла в неестественно наклонённом вперёд положении. Что он шептал, Николке не было слышно, но от спины, как от репродуктора, исходили невидимые динамические волны. И Николке казалось, что он слышит сухие повторяющиеся всхлипы и бесконечное количество слов «помилуй», «прими с миром» и «вонми гласу моления моего, вопль мой и стенание услыши»...

Николка медленно опустился на колени, прикрыл лицо ладонями и стал сначала негромко, но потом всё звучнее повторять:

– Боженька, Ты добрый, заступись за мёртвых и помилуй живых!

Окончив молитву, отец Максим встал и положил на плечо Николки шершавую, как берёзовая кора, ладонь.

– Пойдём, Коля, – сказал и вяло, по-стариковски шаркая, пошёл к выходу. Юноша очнулся, растерянно оглянулся вокруг, как бы припоминая последние мгновения жизни, потом поднялся и поспешил за стариком.

Келья отца Максима находилась на самом краю монастырской территории и представляла собой половину крохотного деревянного дома. По соседству жил садовник Елисей с

двенадцатилетней дочерью Анютой. Жена Елисея погибла в автокатастрофе. Садовник после того горестного случая запил и сам чуть с жизнью не простился. Анята росла как сорная трава – вечно голодная, чумазая и вороватая. А что поделаешь – есть-то хочется. Как-то залезла она под Вербное воскресенье в церковную лавку, стащила то ли крестик, то ли колечко – и бежать. Не тут-то было, поймали плутовку и к игумену поволокли. Истинно поволокли! Анютка орала, кусалась, как бесёнок, да только всё зря. Послали за отцом. А Елисей пьяный лежит на лавке, как мертвец. Лопнуло тогда у игумена терпение. Велел он соскрести Елисея с лавки и в подпол монастырский определить. К обеду другого дня проспался Елисей, открыл глаза и в ужас пришёл, заплакал. Почудилось ему, что помер он и узы каменные на себя принял. В тот день кормить Елисея игумен пришёл сам и долго с ним говорил. Уж о чём говорил, того не узнать, да только остался Елисей в монастыре. А через год дали ему с Анютой полдомика, аккуратно через стенку с отцом Максимом. Так из пустяшного Елисея вышел добрый садовник, а Анята в школу пошла. Девочка-то оказалась смышлёная и кроткая. На сытый желудок прошла вся её разбойная прыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.